

Александров, В. Благословение смерти : человек и любовь в рассказе А. И. Куприна «Гранатовый браслет» / В. Александров. – Текст : непосредственный // Литература. – 2008. – № 3. – С. 22, 27-29. – (Изд. дом «Первое сентября»).

Наш давний автор предлагает неожиданное, нехрестоматийное прочтение хрестоматийной вещи. Насколько он убедителен в своих выводах? Учёл ли все художественные особенности «Гранатового браслета», характер механизмов его воздействия на читателей многих поколений? Наконец: нужны ли экстравагантные толкования на уроках литературы? То есть они, конечно, нужны как способ увлечь произведением, но как потом распорядиться этой увлечённостью учеников?

Вот вопросы, которые мы здесь оставляем без ответа, но зовём коллег к их обсуждению.

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

Благословение смерти

Человек и любовь в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет»

«Сегодня утром скончался всем известный пастух-студент по имени Хризостом, и, говорят, будто он умер от любви к этой чертовке Марселе, дочери богача Гильермо, той самой, что в одежде пастушки разгуливала по нашим дебрям...» Это из «Дон Кихота».

Несчастный влюблённый, не выдержав презрительного безразличия своей избранницы, лишил себя жизни. Собравшиеся у изголовья друзья несчастного Хризостома оплакивают покойного и шлют проклятия надменной красавице. Только так — разорванное в ошметки сердце, остекленевшие глаза, в которых застыло неясное видение, безжалостно измывая жизнь, в отчаянии брошенная к стройным ногам неприступной красавицы, и награда — удивлённый возглас, колыхнувший гладкую, как спящий океан, поверхность души. Но над этой историей, увиденной восторженными глазами чудаковатого рыцаря, уже бренчит пьяная мандолина пародии. Дон Кихот колесит по пыльным дорогам, похожим на кривую ухмылку. Это уже эпоха иронии, где всё настоящее: картонные мечи, монстры, дружелюбно помахивающие крыльями ветряных мельниц, клятвы в виде детских считалок, расчётливо-неприступные женщины и женственно-хрупкие мужчины...

Но каждое время, рождающее усталое разочарование, нуждается в идеале. Идеал первичен, ведь кривая тень иронии может только отражать величественный монумент — сама она ничего не порождает.

Александр Куприн писал рассказ «Гранатовый браслет», намереваясь соорудить нечто вроде маяка, который во мгле указывает путь всем кораблям, ушедшим в море от спасительно-прочного берега. Писатель, как бы извиняясь за смрадные испарения, исходящие из «Ямы», попытался

изобразить идеально-возвышенную любовь. Точнее сказать — эталонную. Ядовитая окалина иронии разъела все абсолюты, незыблемые истины перешли в газообразное состояние, утратив прочность и осязаемость. Эту эпоху очень красноречиво охарактеризовал А.Н. Толстой в романе «Хождение по мукам»: «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как стравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности».

Девушки скрывали свою невинность, супруги — верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, невращения — признаком утончённости. Этому учили модные писатели, возникавшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными. «Разрушение считалось хорошим вкусом...» — в этой фразе сконцентрирована трагическая сущность времени: «припадая ко всему острому», новому, человек с отчаянием видел, как всё необыкновенное, яркое, коснувшись его отравленной души, становится тривиальным, обыкновенным до пошлости, до тошноты, поэтому апатичное разочарование и скепсис стали главными человеческими чувствами, которые, жадно чавкая, питались объедками чужой веры. «Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа иронией», — писал А.Блок. Вот почему свою писательскую задачу Куприн видел в том, чтобы восполнить свежие запасы высоких чувств: любви, верности, чести, соскоблить с них ядовитую плесень иронии, противопоставить газообразным сгусткам скомпрометированных ценностей полновесные нравственные осязаемости.

Вовсе не случайно в его рассказе сходятся разные художественные пространства, с их эстетикой, с их идеологией, — рыцарское, бытовое и пародийное.